

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ИНТЕРЬЕРЕ
МОСКОВСКОГО МУЗЕЯ
(СУДЬБА МУЗЕЯ П.А.КРОПОТКИНА)

Г.И.Любина

«В ней ясно и крепко сознание,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье...»

Н. Некрасов

О Музее П.А.Кропоткина написано уже довольно много [1]. Как только был снят негласный запрет на изучение анархизма в СССР, историков привлекла его судьба. Это понятно, Музей стал ареной острой партийной борьбы, раздиравшей советское общество в 20—30-е годы. Его история богато документирована материалами архива П.А.Кропоткина, хранящимися в ГАРФ (ф.1129). Характерно, что еще в начале 80-х годов Е.В.Старостин, большой знаток архивного наследия Кропоткина, вынужден был «реабилитировать» руководство Музея, доказывая его непричастность к пропаганде анархизма [2]. Тема подлинной причины разгрома Музея оставалась тогда под запретом. У Старостина она сформулирована как несоответствие скромных возможностей Музея, функционировавшего на общественных началах, высоким требованиям к подобного рода организации в эпоху социализма. Подлинную подоплеку событий раскрывают статьи сравнительно недавнего времени с привлечением свидетельств анархистской эмигрантской прессы 20—30-х годов и архива КГБ [3].

Политическая борьба вокруг Музея несколько затенила не менее драматическую тему его истории — столкновение яркой индивидуальности и обезличивающего начала в образе тоталитарного государства. Этого сюжета нам хотелось бы коснуться на материалах переписки Софьи Григорьевны Кропоткиной (ГАРФ. Ф.5469 (М.И.Гольдсмит) Оп.1. 1910—1932) и ее парижской корреспондентки Марии Исидоровны Гольдсмит (ГАРФ. Ф.1129. Оп.3. Д.150. 1901—1932), а также документов самого Музея (ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.36, 39, 40 и далее), отдав дань памяти замечательным женщинам, причастным к созданию Музея [4].

© Г.И.Любина

О С.Г.Кропоткиной (Ананьевой-Рабинович, 1856—1941) написано обидно мало [5]. Видимо, время подробного жизнеописания этой неординарной и очень привлекательной личности еще впереди. Вместе с тем она представляет довольно распространенный тип русской образованной женщины конца прошлого — начала нынешнего века, участницы освободительного движения [6]. В 1878 г. молодой студенткой биологического отделения Женевского университета С.Г. познакомилась с П.А.Кропоткиным и стала спутницей его жизни. К моменту встречи с П.А. она уже вполне определилась в своих народнических идеалах. Сознание правоты добровольного выбора давало мужество и оптимизм, чем так подкупала окружающих супружеская пара Кропоткиных. И еще одну опору в трудностях скитальческой жизни находила С.Г., следуя народнической заповеди «спасения в труде». Об этом писал близкий друг Кропоткиных известный французский географ Элизе Реклю: «Труд спасителен для нас, он дает возможности перенести тяготы жизни» [7]. С.Г. была великой труженицей. Она стала верной помощницей Кропоткина в семейных, общественных и научных делах, но вовсе не превратилась в его бледную тень. Чем только она не занималась: работала наборщицей в нелегальной типографии в Женеве, сотрудничала в биологической лаборатории в Лондоне и там же преподавала курс биологии, и читала лекции по естественным наукам, выступала с «общедоступными» сообщениями по социальным проблемам и вопросам освободительного движения в России, публиковала популярные статьи по анархизму и много сделала для поддержания административных связей и русских политических эмигрантов, о чем вспоминали на праздновании ее 80-летия в 1936 г. [8]. В фонде Кропоткина в ГАРФ можно найти обширную подборку писем к С.Г.; со многими видными деятелями социалистического движения на Западе она переписывалась много лет.

Наблюдая за действиями С.Г. в трудные минуты жизни, Элизе Реклю писал: «Софи храбро сражается с судьбой» [9]. Впервые Софья Кропоткина бросила вызов судьбе во время трехлетнего заключения мужа во французской тюрьме в Клерво (1883—1886 гг.) близ Лиона. Она поставила на ноги высшую государственную и тюремную администрации, научную общественность и друзей Кропоткина, чтобы облегчить условия содержания узника [10] и добилась для него разрешения заниматься научной работой (кроме того, в Клервосской тюрьме Кропоткин много рисовал и обучился переплетному делу). Софья Григорьевна поселилась поблизости и совершала поездки в Париж, заворачивая иногда даже в Кларан (Швейцария), где жил Э.Реклю, и перевоза целые чемоданы книг.

Последние годы С.Г. также, как и самого П.А.Кропоткина, были омрачены горечью разочарования от несоответствия идеалов, которым была отдана жизнь, и мрачной действительностью революционной России (Кропоткины вернулись на родину после февральской революции 1917 г.). Но и тогда С.Г. нашла для себя достойное дело. Она занялась созданием и сохранением Музея памяти П.А.Кропоткина. В эту пору судьба выступила в образе тоталитарного государства и его могущественного орудия ГПУ. В этой неравной схватке С.Г. и ее ближайшее окружение проявили удивительную выдержку и мудрость, что позволило музею продержаться почти двадцать лет.

Под стать Софье Григорьевне ее корреспондентка Мария Исидорвна Гольдсмит (1871—1939). Ее вывоз за границу отец Исидор Альбертович Гольдсмит (1845—1890). Редактор научного журнала позитивистского толка «Знание» (СПб. 1870—1877), он подвергся опале за распространение в России материализма и дарвинизма и в 1883 г. вместе с семьей бежал из ссылки. М.И. вполне вписалась во французское окружение. Она закончила Сорбонну и в 1915 г. защитила диссертацию доктора естественных наук Парижского университета по теме «Психологическая и физиологическая реакция у рыб». В числе достоинств ее работы было отмечено то, что автор способствовал становлению психологии животных как научной дисциплины, используя в своих наблюдениях и экспериментальные методы естественных наук [11]. М.И. успела сделать в науке достаточно много. Она сотрудничала с известным физиологом И.Делажем и опубликовала в 1916 г. в Петербурге перевод написанной вместе с ним книги «Теория эволюции». (Перевод с французского с примечаниями к русскому изданию. М.И.Гольдсмит.) Она — автор ряда книг и статей по социологии по проблемам эволюции животных, их физиологии и психологии. М.И. участвовала во многих конгрессах и публичных лекциях, устраивавшихся биологической секцией Института всеобщей биологии в Париже, активно сотрудничала в основанном И.Делажем журнале «Биологический год» (*Année biologique*). В письмах к С.Г. она сообщала о посылке ей своих новых работ по психологии животных, ведь С.Г., как биологу, такие работы должны быть интересны [12].

Очевидные научные заслуги М.И. не избавили ее тем не менее от некоторых тягот эмигрантского положения. М.И. преподавала в Сорбонне, в Школе высших знаний (*Ec. des hautes études*), работала на биостанции Роскофф при Парижском университете. Но работа была временной и не всегда даже предполагала надлежащую оплату, о чем М.И. в одном из писем к С.Г. с досадой восклицала: «Фран-

цузы удивительный народ: они думают, что все интеллигенты должны быть непременно рантьерами» [13]. «Рантьеркой» М.И. явно не была, и ей не раз приходилось зарабатывать переводами. Это обстоятельство отчасти и послужило поводом для знакомства с П.А.Кропоткиным. Но основная причина многолетней дружбы с семьей Кропоткиных заключалась в увлечении анархистскими идеями. М.И. находила даже соответствие между своими профессиональными занятиями и дорогими ее сердцу социальными идеями. «Биология, по существу своему, пожалуй, самая освободительная для человеческого ума наука». Она дает убедительные примеры «борьбы сил мрака и сил света» [14]. Ряд статей М.И. посвящен биологическим аспектам социологии. Она много писала об анархизме, о его деятелях М.А.Бакунине и П.А.Кропоткине, о синдикатах во Франции, об истории русского революционного движения. В фонде М.И.Гольдсмит сохранились копии 48 писем П.А.Кропоткина, датированные 1897—1904 гг. Знакомство началось по переписке, когда П.А. предложил М.И. перевести на русский язык его «Речи бунтовщика» (*Parole d'un Revolté*), далее последовала работа над переводом «Хлеба и воли» (*Conquête du Pain*, 1900 г.). Петр Алексеевич не мог нахвалиться переводом Гольдсмит. «Спасибо Вам, родная, наконец потешили хорошим переводом. Ваш же перевод по сравнению с одним переводом *Etat* прекрасный. И мысли верно переданы и русский язык прекрасен — гибкий, хороший», — писал он М.И. и настойчиво требовал, чтобы она приняла гонорар, зная по собственному опыту о трудностях «прибавочной работы» [15]. М.И. и Кропоткина сблизил работа по изданию и распространению анархистской литературы во Франции, а затем и в Англии. Личное знакомство с Кропоткиным состоялось в 1902 г., во время визита М.И. в Англию. С 1906 г. после перевода русской эмигрантской типографии из Женевы в Лондон началось печатание анархистской литературы и сочинений самого Кропоткина при деятельном участии М.И.Гольдсмит. П.А. считал М.И. своим другом и доверял ей самые сокровенные мысли — о своем одиночестве в русском освободительном движении (л.72), о несогласии с тактикой русских социал-революционеров, засылающих в Россию исполнителей «террористических приговоров», о нищенской оплате своего карточного переводческого труда (л.91) и др.

Письма С.Г. к М.И.Гольдсмит очень дружественные. С.Г. неоднократно повторяет, что более близких друзей, чем М.И. и ее мать Софья Ивановна (Андросова) у нее нет. В отсутствие семьи (дочка Саша и внучка Пьера остались за границей) С.Г. не стесняется

обсуждать с друзьями самые интимные вопросы — полущинготное состояние и нервное истощение, потерю трудоспособности и «безысходную тоску». О неустроенности своей собственной жизни привыкшая к лишениям С.Г. пишет мало. Ее терзает то, что происходит вокруг. Об этом она достаточно откровенно писала в письмах к М.И., несмотря на предупреждение последней, что переписка перлюстрируется. «Горя, слез и нужды кругом — душа надрывается. Иногда я сравниваю эти дни с днями 1905 года, но теперь я более бессильна помочь, чем тогда», — писала она в июле 1927 г. [16]. Угнетало отсутствие культурной среды в Дмитрове, где по соображениям экономии супруги Кропоткины поселились в 1918 г. «Уж очень велика некультурность тут, очистили тут «площадь» от всякого хорошего живого» [17]. И на этой очищенной площади, по наблюдениям С.Г., почти не осталось людей, вселяющих надежду на будущее России. Ей, воспитанной на идеалах служения народу равно чужды и «ликующие, праздно болтающие», и «равнодушные ко всему, что происходит кругом. Лишь бы их не касалось то, что убивает душу и веру в прогресс» [18].

В своем случае С.Г. не видела ничего исключительного, он типичен для положения интеллигента в России. А интеллигенция в стране советов не в чести, живет ей несладко. «Советский режим не избаловал нас. Интеллигенция большей частью разутая и раздетая» [19], С.Г. отвергает для себя возможность жизни по двойным стандартам, как это допустимо в советской России. «Достать, конечно, все можно, но на это нужно иметь привилегию, она и теперь разнородна — у меня никакой, я живу как многие» (4.05.1928) [20], а позже настаивает: «Я живу как все другие, а это не только больному (в то время она переболела тяжелым бронхитом), но и здоровому трудно» (7.10.1930) [21]. Чтобы как-то поправить положение, идут в Париж просьбы добыть семена у Вильморена, «у него бывали лучшие семена» (23.4.1931) [22]. А в Москву и Дмитров переправляются скромные посылки-передачи из Парижа с семенами, крупой, мукой, а иногда и фунтом кофе.

Но не это составляло основное содержание бесед С.Г. и Гольдсмит. Чаще всего они вращались вокруг обсуждения проблем научного и литературного наследия Кропоткина, истории создания и деятельности Музея его имени. Переписка С.Г. и М.И. выполняла еще одну важную функцию. М.И. представляла на Западе интересы Музея и пыталась донести до западной публики правду о нем, о его задачах и образе действия его руководства, тогда как враждебные анархистские группировки в эмигрантской прессе чернили С.Г. и ее окружение. Этим отчасти объясняется исповедальный и подробный

характер ряда писем С.Г. о Музее. М.И. дала решительный отпор клеветническим выступлениям группы Борового в эмигрантской печати и энергично взялась за организацию материальной помощи Музею, посылая просьбы «во все концы света», но чаще всего к американским анархистам.

Пора обратиться к истории Музея. Вскоре после смерти Кропоткина 18 сентября 1921 г. в Москве был создан Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти Кропоткина (ВОК). Вопреки попыткам ряда анархистов превратить Комитет в прибежище анархистского движения С.Г. и близкое ей окружение настояли на общественном (непартийном) характере созданной организации. Еще раз в 1925 г. Комитет подтвердил, что не требует от своих членов исповедания ни анархистского, ни какого-либо другого «символа веры» и ставит только одно условие, «чтобы деятельность членов и секций Комитета не противоречила бы принципам и идеям Кропоткина» [23]. Это дало возможность ввести в состав Комитета представителей многих научных и культурных организаций: музеев, научных обществ, издательств, учебных и исследовательских институтов, видных деятелей науки и культуры: крупного представителя инженерно-технической науки П.А.Пальчинского, биологов М.А.Мензбира и А.Ф.Фортунова, библиографа Д.И.Шаховского, писателя В.В.Вересаева и др. Возглавила Комитет старая шлиссельбуржка В.Н.Фигнер, почетным председателем его была выбрана С.Г.Кропоткина. Комитет занялся организацией Музея, в день рождения Кропоткина 9 декабря 1923 г. Музей открыл двери перед посетителями.

Последующие события подтвердили, насколько мудро поступило руководство ВОК, когда оградило Музей от посягательств анархистов. История Музея 20-х годов представляла серию конфликтов между экстремистскими группами анархистов и руководством Музея. Начавшись в 1921 г., эти столкновения продолжались до 1925 г. (группа А.Атабеяна, А.А.Карелина, А.А.Борового) и особой остроты достигли в 1928—1930 гг. (группа Борового). Анархисты претендовали не только на «крышу» кропоткинского Музея для своей признанной уже в 20-е годы антигосударственной деятельности, но и выставляли себя как подлинных и единственных наследников идей Кропоткина, предъявляя мнимые права на его библиотеку и архив. Как место сборищ анархистов, Музей с самого начала находился под колпаком ОГПУ. Руководство Музея не питало ни малейших иллюзий относительно провокаторской роли органов и с особой настойчивостью пыталось очистить Музей от анархистов экстремистского толка. Опасные игры вокруг Музея прекратились вместе с разгромом анархизма в России в начале 30-х годов. Для Музея последствия этой

эпопеи были печальны. Подверглись арестам и пострадали многие члены ВОК, был расстрелян П.А.Пальчинский. Пожалуй, самой большой утратой была внезапная смерть летом 1934 г. ближайшего помощника С.Г. Н.К.Лебедева, вследствие вмешательства в дела Музея ОГПУ¹⁾. Музей устоял, но оказался перед лицом еще большей угрозы.

Как всякий мемориальный музей, Музей Кропоткина имел просветительский характер. Его богатая экспозиция состояла из большого числа подлинных документов П.А.Кропоткина и его семьи. Ядро коллекции составляли фотографии, рисунки, рукописи, семейные портреты, документы и книги из архива и библиотеки Кропоткина, переданные во временное пользование Музею С.Г.Кропоткиной. Часть семейных реликвий поступила от племянницы П.А. — Е.Н.Половцевой, часть экспонатов была подарена друзьями и знакомыми Кропоткина в России, США и странах Европы. Украшением Музея стал мемориальный кабинет Кропоткина, обстановка его была вывезена С.Г. из Англии в 1925 г. и полностью воспроизводила лондонский кабинет ученого. Здесь находилась мебель, сработанная самим Кропоткиным вместе с Н.Чайковским, столярный верстак, книги, карты, выполненные его рукой, и многие личные вещи.

Комплектование Музея продолжалось на протяжении всей его истории: поступали книги, повлиявшие на формирование мировоззрения Кропоткина и на его творчество, письма П.А., подборки журнальных и газетных статей, открытки и т.п. от русских и зарубежных дарителей. Организаторы Музея, несмотря на скудость средств, делали для него некоторые приобретения — покупали

1) Николай Константинович Лебедев (1879—1934) — географ, популяризатор творчества Э.Реклю и П.Кропоткина, автор оригинального трехтомного сочинения «Завоевание Земли», разделял комплексный подход своих учителей к географии в ее связи с космосом. Н.К. отредактировал посмертное издание ряда трудов Кропоткина. В течение более чем 10 лет был секретарем Музея и ближайшим помощником С.Г., отдав Музею все свое умение и талант. Этого чрезвычайно скромного и работающего, по свидетельствам друзей, человека отличала большая внутренняя свобода. Он полагал, что каждый трудящийся должен сам отыскать для себя свободу вне принадлежности к каким-либо политическим группировкам. (ГАРФ. Ф.7. Оп.4. Д.94. Л.5).

В феврале 1933 г. Лебедев был вызван в ОГПУ за продажу 100 экземпляров книги Бакунина из запасов Музея. Было предписано «очистить» библиотеку Музея от посторонней литературы. Сотрудники ОГПУ провели проверку книжного фонда, 6 возов книг были изъяты из библиотеки Музея, как якобы не относящиеся к деятельности и творчеству Кропоткина. У Лебедева была взята подписка о невыезде, затем ему было предложено переселиться на три года в северные области. Попытки В.Н.Фигнер спасти библиотеку и Н.К.Лебедева, ее обращение к В.Р.Менжинскому не возымели действия. 14 января 1934 г. Вера Николаевна демонстративно сложила с себя звание председателя Исполнительного бюро ВОК. Высылка Лебедева не состоялась из-за его внезапной смерти 9 августа 1934 г. (Об этом см. подробнее в статье Я.В.Леонтьева [4]).

документы и мемориальные вещи, составили портретную галерею деятелей культуры, науки, литературы, так или иначе повлиявших на творчество Кропоткина. Они уделяли особое внимание иконографии Кропоткина, начав ее с приобретения портрета П.А. кисти Л.Пастернака.

Вся эта экспозиция, умело скомпонованная, размещенная по хронологическому принципу, снабженная пояснительными надписями и разнообразным иллюстративным материалом, давала основание говорить о Музее как об одном из наиболее интересных музеев г.Москвы [24], так, по крайней мере, отзывались о нем посетители. Но Музей не был коммерческой организацией. Посещение его было бесплатным. Не удалось наладить выпуск и продажу анархистской литературы, как это предполагалось сначала. Для этого не было денег, да и сама такая деятельность в пору гонения на анархизм таила в себе опасность. Музей все же издал биографию Кропоткина, написанную Н.К.Лебедевым, его же путешественник и ряд сборников памяти Кропоткина. Но выручка от их продажи не оправдала надежд на пополнение кассы Музея.

Создатели Музея видели основную свою задачу в том, чтобы превратить его в научно-исследовательское учреждение для «собира-ния, регистрации, хранения и изучения материалов, относящихся к жизни и деятельности П.А.Кропоткина и разработки его литературного наследия» [25]. Для этого были все основания.

1925 г. С.Г. привезла из Англии личную библиотеку и архив Кропоткина. Уезжая из Англии, он передал часть книг в Лондонскую русскую эмигрантскую библиотеку, часть английских книг — Брайтоновской рабочей библиотеке. То что осталось насчитывало 5 тыс. названий. Библиотека Кропоткина соответствовала широте интересов ее владельца, здесь были собраны сочинения по этике, философии, психологии, социологии, политэкономии, анархизму, истории, по естественным наукам, было много беллетристики. Некоторые книги были подарены Кропоткину авторами и имели на полях его пометы.

Научная сторона деятельности Кропоткина нашла отражение в музейной экспозиции. В одной из зал Музея были представлены материалы путешествия Кропоткина по Сибири в 1862—1867 гг., его путевые тетради, маршрутные карты, отчеты о путешествии и показана его работа в качестве члена Российского географического общества и секретаря отделения физической географии РГО. В витринах были выставлены его труды о «ледниковом периоде», по географии Сибири и др. При Музее существовала научная библиотека с книгами из библиотеки Кропоткина и материалами его архива, она предназначалась для научных работников. Параллельно была создана общедоступная бесплатная читальня для

всех желающих, где были собраны сочинения Кропоткина и литература по революционному движению. В конференц-зале особняка, вмещавшем до 300 слушателей, до тех пор, пока им не завладела секция анархистов, проводились интересные беседы памяти Кропоткина.

Вокруг этого наследия развернулась научная работа Музея. Значительную роль в ней играл музейный комитет. Из его отчетов видно, что он продолжал комплектование фондов Музея, совершенствовал его экспозицию с точки зрения содержания и художественного оформления, заботился об инвентаризации всех зданий в Москве и провинции, связанных с именем Кропоткина. Осуществив передачу паспортов по всем этим строениям в Исполбюро Государственной центральной реставрационной мастерской ГЦРМ, проводил большую работу по каталогизации библиотеки и систематизации архива Кропоткина и т.п. Похоже, что именно научная сторона деятельности Музея принесла руководству самые большие огорчения.

С.Г.Кропоткина ближе других стояла к созданию и научной работе Музея. В первые годы становления Музея она столкнулась с большими материальными и организационными трудностями. Нужны были большие затраты и усилия для ремонта и содержания полученного в подарок от Моссовета полуразрушенного здания (в нем родился П.А.Кропоткин), для организации в нем работы, для разборки и систематизации обширного «хозяйства» Музея.

С.Г. декларировала общественный характер Музея. Такой статус исключал государственное финансирование, равно и вмешательство государства в дела Музея. Насколько принципиальной была эта позиция, мы можем судить из письма С.Г. к М.И.Гольдсмит. «Весьма возможно, — писала она, — что государство придет мне на помощь, а я этого не хочу и пенсию не хочу. Не хочу никакого государственного вмешательства в работу над архивами и в мою личную жизнь» [26]. Собственных средств у С.Г. не было (некоторые суммы, положенные в государственный банк для нужд Музея, были реквизированы советской властью), приходилось обращаться к добровольным пожертвованиям. В воззваниях ВОК, разосланных по всей России и странам Запада, предлагалось поддержать Музей деньгами и материалами, имеющими отношение к деятельности Кропоткина. Чаще всего откликались западные товарищи. Благодаря личным связям С.Г.Кропоткиной и энергичной деятельности

М.И.Гольдсмит удалось создать комитеты по поддержке Музея Кропоткина в ряде европейских стран¹⁾.

До 1925 г. Музей жил преимущественно за счет материальной помощи из США, позднее стали поступать деньги из Англии. Английский комитет уплатил за пересылку из Лондона 74 ящиков с библиотекой и архивом Кропоткина, он же в течение 7 лет оплачивал хранение архива Кропоткина [27]. Многие обращения С.Г. к Гольдсмит звучат как сигнал бедствия. На одно из таких отчаянных посланий М.И. отвечала: «Было бы настоящим позором для наших товарищей, если бы они допустили, чтобы Музей закрылся из-за недостатка средств или поменял свой особый характер». Далее следовал план сбора средств в столицах Европы и в США [28]. На зарубежные поступления был произведен ремонт здания и расширена экспозиция — вместо 3 залов, которые Музей имел в 1923 г., в 1928 г. их насчитывалось уже 8.

В России обращение Музея имело слабый отклик. Приходили единичные дары от ряда лиц, но денежной поддержки не было. Особенно обижали С.Г. действия секции анархистов. «Приходили, курили, грязнили, а помощи никакой никогда, — писала она, — ... все это старая история среди наших товарищей, да и среди многих других: создавать умеют немногие, да и не делают, а когда что-то сделалось, прийти, захватить и потом разрушить» [29].

В первые годы С.Г. пришлось работать только при поддержке супругов Лебедевых — Николая Константиновича и Натальи Алексеевны. Втроем они занимались ремонтом здания, разборкой материалов Музея, подготовкой экспозиции. Все это делалось на добровольных началах. Из всего штата Музея жалованье получал один сторож. В письмах к Гольдсмит С.Г. постоянно рассказывала о работе по систематизации архива Кропоткина, в частности о разборке его писем в условиях, когда «все поглощены житейской обстановкой и все приходится делать самой» [30]. В ответных письмах М.И. сожалеет, что поспешили с перевозкой архива в Россию, ей кажется, что за границей скорее бы нашлись помощники для его разборки. Другая тема переписки 20—30-х годов — издание писем Кропоткина. С.Г. писала, что несколько сотен писем Кропоткина лежат неопубликованные

1) Наиболее «именитым» был французский комитет. Одних только ученых мировой известности здесь набралось около десятка: физиолог Ш.Рише (Ch.Richet), физик П.Ланжевен (Langevin), математик П.Пенлеве (P.Painlevé), историки А.Олар (Aulard) и П.Сеньобос (Seignobos), востоковед П.Буайе (Boyer), юристы Ф.Бюиссон (Buisson) и В.Баш (Basch), известный писатель Ж.Дюамель (Duhamel) и др. (ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.39. Л.4). Истинной душой Комитета стала М.И.Гольдсмит, близко к сердцу принимал нужды Музея Кропоткина племянник Элизе Реклю — Поль Реклю.

из-за отсутствия денег, большая помеха, думала она, и в том, что большая часть корреспонденции написана на английском и французском языках «а здесь большей частью безязычники» [31]. Безденежье склоняет С.Г. в пользу издания в Париже писем Кропоткина к французским друзьям на французском языке. Ей кажется более осуществимым план их публикации за границей, лишь бы издатель имел возможность распространять свою продукцию, рассчитанную на широкого читателя, в России [32].

По просьбе С.Г. и Мария Исидоровна подключается к работе по публикации писем. Вместе с С.Г. она обсуждает план издания и сообщает о своем намерении издать письма Кропоткина к ряду корреспондентов (к Л.Толстому, к Греву, к ней самой). «И может быть еще к кому-нибудь из той же категории лиц». (Л.76). В руках М.И. скопилось большое число неразобранных писем Кропоткина. В ответ на просьбу С.Г. она писала, как много для нее лично и для русских эмигрантов значат эти письма: «Если бы Вы знали, как их много, ведь в них вся история нашей работы для русской пропаганды, не говоря уже обо всем лично ценном» [33]. Но расставаться с письмами не спешила, они могли пригодиться ей для собственных воспоминаний о пережитом. К тому же М.И. считала, что письма нуждаются в комментариях, которые никто не сможет сделать кроме нее. В качестве компромиссного решения она предлагала сделать выписки из писем, прокомментировать их и передать их С.Г. при личной встрече [34].

Параллельно в 1926—1927 гг. велось оживленное обсуждение издания в Париже второго тома «Этики» П.А.Кропоткина. Гольдсмит информировала С.Г., что первый том уже почти разошелся. Встал вопрос о переводе II тома. С.Г. полагала, что лучшего человека для этого дела, чем Гольдсмит, не найти. Ведь второй том «Этики» почти целиком написан по-английски. Нужно перевести его на русский и французский языки и с «любовью над этим поработать». С.Г. убеждена, что М.И. обладает всеми необходимыми для этого качествами: знанием языков, прекрасной подготовкой, пониманием воззрений Кропоткина. И, между прочим, замечала, что труд переводчика будет оплачен. М.И. взяла на себя работу по переводу и редактированию рукописи, на нее же ложились все переговоры с издателем. Издатель не предполагал для себя большой коммерческой выгоды и потому не спешил. М.И. написала предисловие ко II тому «Этики», которое понравилось С.Г. Интерес к изданию II тома проявил и Поль Реклю, друг семьи Кропоткиных [35].

В энергичной, преданной делу Кропоткина «Марусе» С.Г. хотела бы видеть свою помощницу по Музею и свою приемницу, «душу» Музея [36].

Но дальше мечтаний эти планы не шли. Не могла С.Г. звать Гольдсмит в Россию. Да и та сама понимала все неблагоприятное положение Музея по тону писем С.Г., который раз от раза становился все более драматичным. И вот наконец в 1931 г. у С.Г. вырывается крик отчаяния: «Вы знаете, как я боролась все эти годы, чтобы этот памятник Петру Алексеевичу жил самостоятельно, **вдали от казенщиков**, стара, немощна и безденежна. Что я могу сделать больше?» [37]. Действительно, к началу 30-х годов заграничная помощь Музею почти иссякла. Причины объяснила М.И. в одном из писем к Кропоткиной. «У своих ничего нет, все бедствуют. [Речь идет о русских эмигрантах. — Г.Л.], а французы мало интересуются как в нашем маленьком кружке, так и в большом комитете из «personnages» [38]. Не следует забывать, что к этому времени США и Европа вступили в полосу серьезных потрясений затяжного экономического кризиса. Но дело не только в этом. Раскручивание маховика репрессий в СССР сделало почти невозможной помощь извне, и само общение с зарубежными товарищами. Так внезапно, на полуслове оборвалась в 1932 г. переписка между С.Г. и М.И. Гольдсмит. Чуть раньше, в 1930 г., закончилась переписка М.И. с ее давнишним корреспондентом из России психологом В.А. Вагнером [39]. Попав в изоляцию от внешнего мира, лишенный общественной поддержки в своей стране, более того, опальный из-за гонения на анархизм, Музей встал перед необходимостью обратиться за помощью к государству.

Руководство Музея старается отдалить тягостное решение и смягчить удар. Делаются попытки приблизить экспозицию к требованиям советского музея, расширить возможности самофинансирования (с начала 30-х годов посещение Музея стало платным). До сих пор Музей был рассчитан на достаточно элитарную публику, его основными посетителями были служащие и учащаяся молодежь, рабочие и тем более колхозники в нем бывали редко. Устроители Музея никогда не ставили перед собой пропагандистских задач. Теперь положение изменилось. Нужно было привлечь массового посетителя, а для этого музейная экспозиция должна была стать более «понятной». В начале 30-х годов экспозиция пополняется новыми материалами, характеризующими среду, в которой жил Кропоткин. При этом пытаются использовать опыт советских музеев,

в частности Музея революции. Создаются стенды о социально-экономическом положении России в царствование Николая I, в эпоху становления империализма и т.п. Все это снабжается цифрами, диаграммами, картограммами. Обновляются пояснительные надписи, из экспозиции изгоняются документы на непонятных иностранных языках. И все же руководство Музея пытается соблюсти достоинство и чувство меры, напоминая, что «они [иллюстративные материалы — Г.Л.] ни в коем случае не должны изменить характер Музея, и не должны превратить его в выставку лозунгов, цитат и таблиц» [40].

Еще большую принципиальность проявили устроители Музея по отношению к сохранению духа своего детища. После обращения за государственной помощью проверкой его работы в 1932—1933 гг. занялись государственные комиссии. Одна из них пришла к неутешительному выводу — Музей нуждается в реорганизации, следует включить его в сеть государственных музеев и присоединить к «методически выдержанным историко-революционным музеям» [41]. Смысл упреков в адрес Музея станет понятен, если обратиться к протоколам расширенных заседаний Музейной комиссии с привлечением экспертов из государственных организаций. На одном из таких собраний 15 июня 1933 г. в присутствии гостей-экспертов: Н.М.Дружинина (Музей революции), Г.Л.Малицкого (Музей коммунального хозяйства), А.И.Батенина (бывший директор Музея мебели), в роли «общественного обвинителя» выступил Н.М.Дружинин. Дружинин упрекнул Музей в архаичности и в том, что в нем личность Кропоткина, к тому же тенденциозно поданная, исчерпывает все. Музей являет собой апофеоз личности Кропоткина, а нужно бы представить ее во взаимодействии сильных и слабых сторон. Прозвучало уже подхваченное руководством замечание о внесении в экспозицию общественно-политического фона эпохи.

В качестве рекомендации прозвучала следующая сентенция: «Музей должен придать всему построению единую точку зрения, пронизать правильной оценкой все моменты жизни и деятельности Кропоткина... дать не апофеоз, а научную характеристику личности и творчества Кропоткина» [42]. И опять, как и в стычках с анархистами, развернулась дискуссия вокруг личности Кропоткина, о его месте в отечественной истории. Был ли он только лидером одного из течений революционного движения, к тому же маргинального по отношению к большевизму, или его вклад в русскую культуру неизмеримо больше? На последнем настаивали С.Г и ее единомышленники. Они доказывали, что Кропоткин не только анархист, но и

крупный мыслитель¹⁾, обогативший науку во многих областях. В соответствии с этим было принято решение пополнить экспозицию Музея материалами, свидетельствующими о его научной деятельности в биологии, истории, социологии, истории литературы, экономики, этики, педагогики. Музейная комиссия действительно деятельно занималась этими вопросами в 30-е годы. В тяжелых обстоятельствах члены Музейной комиссии прибегали даже к некоторым дипломатическим уловкам. «Выпячивание личности» Кропоткина²⁾ пытались представить как своеобразную прихоть стропливой вдовы. Она де, как собственница всех экспонатов, не допускает критического отношения к личности Кропоткина, и Комитет вынужден считаться с ее мнением. Сохранение мемориального (а не идеологического, как на том настаивали оппоненты) характера Музея оправдывало, по мнению Комитета, хронологический принцип построения экспозиции, что тоже вызывало критику «экспертов».

Еще раз надежда на спасение Музея мелькнула в связи с подготовкой празднования 100-летия со дня рождения П.А.Кропоткина, которое должно было состояться в 1942 г. Музей решил ознаменовать это событие изданием полного собрания сочинений Кропоткина. Похоже, удалось даже получить под это начинание кое-какие суммы. В 1933 г. развернулись ударные работы по завершению каталогизации научной библиотеки, составлению библиографии трудов Кропоткина и «Кропоткинианы» (перечень работ о нем). Подходило к концу описание «Архива» Кропоткина. Все силы музейных работников,

1) Жизнь подтвердила верность взгляда Софьи Григорьевны и ее друзей. Непреходящую ценность в огромном и все еще малоизученном научно-литературном наследии Кропоткина составляют его работы по естествознанию. Вот что пишет об этом современный биограф Кропоткина В.М.Маркин: «Если характеризовать Кропоткина одним словом, то следует все-таки признать, что прежде всего он был ученым, притом редкостной широты диапазона. Однако именно как об ученом о нем мы знаем меньше всего: здесь предстоит большая работа, которая только еще начинается». Спектр его научных интересов чрезвычайно широк — математика, баллистика, геология, физическая и экономическая география, палеогеография, прогноз погоды, биология, экология и др. Энциклопедизм творчества Кропоткина органически вытекал из его представления о комплексном характере науки и о взаимодействии и единстве сил природы. Сам Кропоткин считал своей основной научной работой «Очерк по орографии Азии». Оригинальная теория о строении азиатского материка (о строении и направлении главных горных хребтов Северо-Восточной Азии), наиболее полное обоснование теории ледникового периода — таковы наивысшие достижения Кропоткина в геолого-географических науках, хотя и во многих других областях естествознания его догадки поражают своей оригинальностью, смелостью и актуальностью звучания (Маркин В.А. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1985. С.179).

2) Характерно, что подобные же обвинения в «непомерном выпячивании роли Плеханова и затушевывании роли Ленина» прозвучали в адрес руководства Музея революции после проверки его работы Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б). (Правда. 31.X.1935.). ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.35а. Л.29.

а их к этому времени стало уже 6 человек, по сравнению с тремя — в 1932 г., были брошены на разборку архива¹⁾. Переводились на русский язык сочинения Кропоткина, написанные на иностранных языках, делалась расшифровка рукописей и перевод их на машинопись.

На протяжении 30-х годов велись переговоры с Академией наук СССР об издании академического собрания сочинений Кропоткина. В 1937 г. был составлен предварительный план издания (1937—1948) — в 30 томах, составлена библиография трудов Кропоткина на машинке (354 названия). Все было сделано с уважением к авторским правам С.Г. С нею был оформлен договор о передаче издательских прав В.И.Дмитриевской. Тогда же родился еще один вариант попытки уйти от судьбы. Появилась идея передать докладную записку в Академию наук СССР о временном присоединении Музея к системе ее научных учреждений в связи с подготовкой издания трудов П.А.Кропоткина [43]. Но судьба Музея была уже predetermined.

В 1935 году В.А.Перелешин доложил о финансовых делах Музея. В связи с ростом цен бюджетная смета Музея возросла. Надежда на успешную реализацию ряда изданий Музея, что могло бы избавить от обращения к государственной помощи, не оправдалась. В октябре того же года Перелешин доложил заведующему Музейным отделом Наркомпроса (МОН) Ф.Я.Кону, что на 1936 г. Музей не обеспечен собственными средствами и что следовало бы включить его в госбюджет. Кон потребовал докладную записку в МОН и распорядился включить Музей в план обследования до ноября 1935 г. [44].

Смирившись перед неизбежным, С.Г. попыталась, чтобы приемка Музея прошла достойно, на высшем уровне. Она пожелала самолично вручить председателю СНК М.И.Калинину свою дарственную, заверенную нотариусом. Быть может, она еще надеялась, что высокое покровительство оградит Музей от грубого произвола чиновников [45]. Но дело «крайне вышло неприятное для меня», писала С.Г. Пока

1) Подробные сведения о сотрудниках в архивах Музея склоняют нас к небольшому «социологическому исследованию». При упоминавшейся выше «проработке» Музея революции бывшему директору инкриминировалось, что экскурсоводы музея — случайные люди, бывшие меньшевики, эсеры и т.п. А как обстояли дела в музее Кропоткина? «Революционное прошлое» двух сотрудников Музея — заведующего М.П.Шебалина и секретаря В.А.Перелешина отличалось исключительным благородством — старые народовольцы и политкаторжане, впрочем, в 30-е годы это был уже скорее минус, чем плюс. По признаку «социального происхождения» советским стандартам соответствовал только с.н.с.Н.К.Лебедев, он был сыном крестьянина. С образовательным цензом обстояли и того хуже — все сотрудники музея, включая машинистку и техника, ксати, тезку и племянника поэта Н.Некрасова, имели университетские дипломы. Музей держался на энтузиастах. Заведующему здесь никогда не платили, а в 1938 г., согласно докладу Перелешина, половина из 8 сотрудников не получала жалованья.

она тщетно дожидалась вызова в приемную М.И.Калинина, приемка Музея была передана высокопоставленному чиновнику, начальнику Музейно-краеведческого отделения НКП РСФСР Радус-Зеньковичу. Поначалу он даже продемонстрировал некоторую готовность внимать пожеланиям дарительницы «товарища Софьи Григорьевны». Но уже в письме от 27.7.1938 г. прозвучала некоторая обида на С.Г., которая, судя по всему, в частной беседе выказала обеспокоенность за сохранность при новых хозяевах старого духа Музея. Уверения Зеньковича о том, что «вверенные моему руководству учреждения заслуживают полного доверия» и его апелляция к «особому характеру советского государства, как государства трудящихся» [46], видимо, не убедили С.Г. Она продолжала настаивать на своем желании вручить судьбу Музея М.И.Калинину и игнорировала письма Радус-Зеньковича. А тот проявил лихорадочную поспешность, мотивируя ее надвигающейся зимой и необходимостью срочного ремонта обветшалого здания.

21 октября 1938 г. С.Г. было отправлено последнее письмо с приложением акта о передаче-приемке Музея. В нем Радус-Зенькович уже без всяких околичностей и «товарищеских приветов» сообщил С.Г., что Музей поставлен на госбюджет, а его сотрудники, исключая завхоза, отстранены от работы. Далее следовал бодрый рапорт о приготовлениях к ремонту и спрашивались пожелания относительно ремонта мезонина, где С.Г. имела маленькую комнатку с прихожей. В докладной записке директора Музея А.Макаревского все выглядит менее благостно. Без всякого предупреждения, без письменного подтверждения своих полномочий Радус-Зенькович с командой ворвались в Музей, потребовали от директора ключи, опечатали все комнаты и повесили при входе табличку о ремонте. При этом молниеносном налете он еще успел заметить, что «учет и хранение материалов находится в крайне небрежном состоянии», о чем и не преминул сообщить С.Г. Новый директор поручил специальной бригаде составить план экспозиции «достойной памяти Кропоткина и отвечающей требованиям советского музея поры социализма» [47]. Но все это было уже не более чем фикцией¹⁾.

1) Ремонты в жизни Музея Кропоткина приобрели роль некоего символа. Первый был предпринят С.Г. и ее ближайшим окружением на занятый в Дмитровском финансовом отделе 1 млн. рублей в счет гонорара за «Этику» П.А.Кропоткина. Тогда была починена крыша, исправлена канализация, проведено электричество, повешена мемориальная доска. (Оп.4. Д.38. Л.14). Рачительные хозяева и далее заботились об исправном состоянии своего владения. В 1929 г. архитектором Головкиным было проведено его обследование и поправлен фундамент. Результаты проверки оказались вполне удовлетворительными — грибка в деревянных конструкциях здания не было найдено. В 1933 г. архитектор Лутс оценил столетний сруб дома «как новый». Этот шестиколонный особняк в Кропоткинском (бывшем Штатном) переулке, до сих пор радует взгляд прохожего. Сейчас в нем расположилось посольство Палестины. Недалеко от мемориальной доски с изображением Кропоткина можно увидеть портрет Ясира Арафата.

После «восстановительного ремонта» Музей не открылся. В 1940 г. была создана ликвидационная комиссия, а в 1941 г. экспонаты переданы в Музей революции. Так распорядилось «благодарное отечество» даром С.Г.Кропоткиной «революционному народу» [48].

Случайна ли судьба Музея? Здесь нам придется потревожить память еще одной русской женщины—подвижницы. В 1927 г. в близком соседстве с Музеем Кропоткина в Сивцевом Вражке поселился Музей И.И.Мечникова. Пафос его создания тот же, что и Музея Кропоткина, — вернуть на родину и превратить в достояние отечественной культуры наследие крупного русского ученого. Так, по крайней мере, думала Ольга Николаевна Мечникова, когда привезла в Россию огромный архив и многие мемориальные вещи мужа и когда любовно занималась устройством экспозиции музея. Судьба этого музея оказалась поразительно схожей с судьбой «дома Кропоткина». В середине 50-х годов он перестал существовать в своем первоначальном виде, музейная коллекция, вопреки воле дарительницы, была раздроблена и даже частично утрачена [49]. Чего здесь больше — неблагодарности, забывчивости, равнодушия? Несомненно, все это присутствует, но есть и нечто большее — это месть тоталитарного режима своим великим, но «блудным» сыновьям. Ведь один, называя себя анархистом, не поддержал кровавые деяния пролетарской диктатуры, а другой даже позволил себе осуждать направление деятельности народовольцев. А что же «русские женщины»? Память о них сохранилась в их архивах. До сих пор отечественные историки мало пользовались этим источником. Хочется верить, что время пришло¹⁾.

Список литературы и примечания

1. Первое и довольно подробное описание Музея было составлено его бессменным секретарем в течение 10 лет Н.К.Лебедевым. Музей Кропоткина. Л.—М., 1928.
2. *Старостин Е.В.* Историко-революционный мемориальный музей П.А.Кропоткина // Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конференции. М., 1982. С.201.
3. *Никитин А.Л.* К событиям 20-х годов. Вокруг Кропоткинского музея // РАН, Институт экономики. Труды Комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. М., 1992. С.82—123.
4. О Вере Николаевне Фигнер, еще одной хранительнице наследия Кропоткина, уже написано: *Леонтьев Я.В.* В.Н.Фигнер — председатель Кропоткинского комитета // Труды Комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. М., 1992. С.82—123.
5. *Пирумова Н.М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С.102—103.
6. Показательно курьезное замечание одного из сотрудников Департамента полиции МВД России. Он сетовал, что женщины-революционерки, которые составляют

Ремонты 1925 и 1933 г. носили, скорее, дипломатический характер. Музей временно закрывали, чтобы изгнать из его стен враждебные группировки анархистов. «Ремонт» 1938 г. оказался для Музея роковым.

1) Автор статьи благодарит сотрудников ГАРФ: Л.И.Петрушеву, Л.М.Аппак, Е.Н.Орлову, Н.И.Абдуллаеву за оказанную помощь.

значительную часть этого движения и около четверти от общего числа русских студентов в университетах Швейцарии, еще более неуязвимы для русского ссыла, чем мужчины — на них нельзя распространить действие закона о воинской повинности (!). ГАРФ. Ф.102. (ДП. 3-е делопроизводство) Оп. 88 (1890). Д.323. Л.28.

7. ГАРФ. Ф.1129. Оп.2. Д.2103. Л.1.
8. Там же. Ф.1129. Оп.3. Д.9. Л.3.
9. Там же. Оп.2. Д.2103. Л.35.
10. Сохранилась петиция президенту Французской республики от английских художников, литераторов, ученых: «В интересах науки, в интересах гуманности мы закликаем Вас вмешаться и вернуть его к исследованиям, в которых он преуспел и продемонстрировал свои незаурядные способности»- (ГАРФ. Ф.1129. Оп.1. Д.13. Л.1).
11. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.8. Л.5.
12. ГАРФ. Ф.1129. Оп.3. Д.150. Л.80.
13. ГАРФ. Ф.1129. Оп.3. Д.150. Л.26.
14. Там же. Ф.5969. Оп.1. Д.28. Л.1.
15. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.94. Л.27.
16. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.100. Л.113.
17. Там же. Л.91.
18. Там же. Л.49.
19. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.100. Л.52.
20. Там же. Л.126.
21. Там же. Л.135.
22. Там же. Л.141. В жизни семьи Кропоткиных тема огорода возникала неоднократно. Уже в 1920 г. Кропоткин просил одного московского знакомого простить свой поспешный отъезд. «Тороплюсь теперь назад в Дмитров, а то огород без поливки. А что значит теперь огород, — Вы конечно знаете. Прокормление зимой». (ГАРФ. Ф.1129. Оп.3. Д.31а. Л.203). Благо опыт огородничества и садоводства у Кропоткиных сохранился еще со времен английской эмиграции.
23. ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.114.
24. ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.35а. Л.54.
25. Из выступления В.Перелешина. ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.36. Л.2.
26. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.100. Л.96.
27. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.100. Л.161.
28. ГАРФ. Ф.1129. Оп.3. Д.150. Л.84.
29. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.100. Л.158, 160.
30. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.100. Л.88.
31. Там же. Л.92.
32. Там же. Л.96, 111.
33. ГАРФ. Ф.1129. Оп.3. Д.150. Л.49.
34. Там же. Л.50.
35. Там же. Л.90.
36. Там же. Л.91.
37. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.100. Л.139.
38. ГАРФ. Ф.1129. Оп.3. Д.150. Л.87а.
39. ГАРФ. Ф.5969. Оп.1. Д.69. 1909—1930.
40. ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.35а. Л.238.
41. Там же. Л.79.
42. Там же. Л.278.
43. Там же. Л.5.
44. Там же. Л.28.
45. ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.118. Л.1.
46. ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.117. Л.2.
47. ГАРФ. Ф.1129. Оп.4. Д.37. Л.2.
48. О последней истории архива П.А.Кропоткина см. *Козлов В.Л., Перегудова З.И.* Фонд А.П.Кропоткина в ЦГАОР СССР // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. М., 1992. Вып.2. С.140—154.
49. *Зайцева В.* Наследие великого Мечникова. Вернется ли оно в Россию. // Медицинская газета. 17.1.1996. №5. С.9.